

СУЩНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ*

Аннотация. Речь идёт о целостной логической теории технологических подходов коммуникативного воздействия. Уточняется смысл терминов «информация», «информационное сообщение», так как они являются определяющими для понимания всего процесса коммуникации в целом. Называются и анализируются его базовые модели. Формулируется логико-семантическая модель коммуникации в обучении иностранному языку. Делается вывод о том, что такое коммуникативное воздействие и в чём различие между коммуникацией и общением. Интерпретируется универсальное информационное уравнение для пояснения теории коммуникативного воздействия через информацию.

Ключевые слова: технологический подход коммуникативного воздействия, информация, культура коммуникативного взаимодействия, знание, логико-семантическая модель коммуникации в обучении иностранному языку, коммуникация, общение.

N. Sobol

Perm Branch of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Home Affairs of Russia

THE ESSENCE OF TECHNOLOGICAL APPROACH OF COMMUNICATIVE INFLUENCE IN INTERCULTURAL FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract. The article deals with the integral logical theory of technological approaches of communicative influence. The meaning of terms «information», «informational communication» is specified since they are determinants for understanding of the whole communicational process in general. The basic models of these approaches are named and analyzed. Logical and semantic model of communication in foreign language teaching is formulated. In conclusion the author gives the definition of communicative influence and stresses the difference between communication and association. The article includes the interpretation of universal informational equation to explain the

theory of communicative influence through information.

Key words: technological approach of communicative influence, information, culture of communicative interaction, science, logical and semantic model of communication in foreign language teaching, communication, association.

Многообразие концептуальных подходов по проблеме коммуникативного воздействия в межкультурном обучении иностранным языкам свидетельствует о том, что пока не достигнуто общее понимание технологического подхода в данном процессе, которое могло бы служить фундаментом для анализа её прикладных аспектов. Вместе с тем в современной методологии получены научные результаты, позволяющие сформулировать конструктивное и в то же время достаточно общее (ёмкое) понимание технологического подхода в этой области.

Сегодня правомерно говорить уже о целостной логической теории технологических подходов коммуникативного воздействия, на основе которой технические и гуманитарные аспекты могут быть объединены в единый комплекс представлений о коммуникации. Прежде всего, технологический подход в коммуникациях предполагает уточнение смысла терминов «информация», «информационное сообщение», поскольку именно эти термины являются определяющими для понимания всего процесса коммуникации в целом.

К. Шеннон подразумевает под термином «информация» нечто фундаментальное, например, категорию. Интуитивно полагается, что информация имеет содержание. Информация уменьшает общую неопределённость и информационную энтропию, доступна измерению [42].

Информация представляет собой качественную и количественную характеристику организованности отражения. Вообще информация – это как бы некоторая «сила», направленная против дезорганизации и хаоса; в этом смысле

* © Соболь Н.В.

информация неотделима от структурности, организованности материальных систем [6].

И.И. Рыданова вводит понятие «культуры коммуникативного взаимодействия», выделяя следующие её индикаторы: адекватность реакций обучаемых на педагогические действия и поступки педагога, синхронность совместной деятельности; эмоционально-познавательная активность, атмосфера творческого поиска и сотрудничества; соблюдение нравственно-этических норм в деловом и межличностном общении педагога и студента [26].

Для дальнейшего раскрытия темы важно следующее: «Информация «многолика», включает в себя синтаксический, семантический и прагматический аспекты. «...» Разные стороны понятия информации отображаются в целом спектре теорий. Эти теории, как правило, не противоречат, а дополняют друг друга, развивая разные количественные меры, связанные с той или иной стороной феномена информации. При этом всегда имеется в виду задача – если не полного, то частичного – синтеза этих теорий» [7, 61].

Сегодня уже опубликовано достаточно большое количество научных работ, где справедливо отмечается, что осмысление определяющей роли информации во всех без исключения эволюционных процессах природы и общества открывает совершенно новую, информационную, картину мира [13].

Ясно, что информацию, которая воздействует в процессе коммуникации на субъект – в нашем случае речь идёт о системе «преподаватель – студент», – необходимо отличать от простых информационных сообщений. Сама информация как таковая является неким абстрактным знанием, которое выражают информационные сообщения, в то время как сами сообщения являются упорядоченными совокупностями языковых символов. Очевидно, что для данного представления ключевыми являются термины «символ», «знание».

Следующий шаг в понимании феномена технологий коммуникационного воздействия необходимо произвести в направлении соотношения «знания – информация». Знание в теории искусственного интеллекта и экспертных систем рассматривается как совокупность информации, правил, выводов индивидуума, общества или системы о мире, свойствах объектов, закономерностях процессов и явлений, а также правилах использования их для принятия решений. Главное

отличие знаний от исходных данных состоит в их структурности и активности, появлении новых фактов или установлении новых связей, что может стать источником изменений при принятии решений.

Понятие *информации* тесно связано с понятием *знания*. Очевидно, что наступает эра знаний: **индустрии знаний, работников, обладающих знаниями, знаний как капитала, систем поддержки знаний, управления знаниями, производства знаний, организационного обучения, гиперзнаний и т. д.**

В когнитивной психологии изучение вопроса о том, «как знания представлены в уме человека» привело к пониманию того, что знания стали «абстрактными репрезентациями» реальности [28]. В логической семантике изучение этого же вопроса привело к пониманию того, что знания как абстрактные объекты стали доступны пониманию конкретного человека или сообщества людей. Знания логически структурированы и отражают положение дел либо в мире внешних материальных объектов, либо в мире внутренних сенсорных образов конкретного человека. Знание может быть передано от одного человека другому, если оно представлено в объективной материальной форме, в качестве которой обычно используется естественный или формальный язык. Выраженное с помощью объективных языковых символов знание отделяется от процесса понимания его конкретным человеком и приобретает статус формализованного знания или информации. Таким образом, логическая теория коммуникации опирается на два следующих концептуальных положения [18]: знание – форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека, информация – сообщение независимо от формы их представления.

Таким образом, информация первична и тесно взаимосвязана со знанием.

В своей монографии «Теория коммуникации» Г.Г. Почепцов останавливается на анализе двадцати пяти базовых моделей коммуникативного воздействия [25]. К ним относятся: лингвистическая модель речевой коммуникации Р. Якобсона [38], литературная модель В. Шкловского [23], театральные модели Н. Евреинова [27] и П. Ершова [15], герменевтическая модель Г. Шпета [36], фольклорная модель В. Проппа [30], семиотические модели Ю. Лотмана [19] и У. Эко [44], культурологическая модель М. Бахтина [12], прагматические модели Ч. Морриса [21] и П. Грайса [41], психоаналитические модели

З. Фрейда [32] и Ж. Лакана [16], архетипическая модель К. Юнга [37], мифологическая модель Р. Барта [2, 3], нарративная модель Цв. Тодорова [29], социологическая модель Л. Бурдьё [40], текстовая модель А. Пятигорского [20], философская модель М. Фуко [33], игровая модель Й. Хейзинги [9], антропологические модели К.-Леви-Стросса [17] и М. Мосса [22], вещественная модель Ж. Бодрийяра [8], деконструктивистская модель Ж. Деррида [11], постструктуралистская модель Ж. Делеза [14]. Каждая из указанных языковых моделей и моделей коммуникации может быть положена в основу моделирования реальных ситуаций для студентов вузов.

В лингвистике предложено достаточно много подходов к пониманию *речевого воздействия*, которые, отчасти, позволяют прояснить механизмы, действующие при речевом воздействии. Речевое воздействие может быть описано как передача смыслов от адресанта к адресату, как социальное или коммуникативное взаимодействие [31], а также как частный случай манипуляции [24]. В ряде работ речевое воздействие рассматривается как совокупность приёмов, которые используются в ориентированных на воздействие текстах. Значительный вклад в понимание механизмов, действующих при речевом воздействии, был внесён концептуальными моделями. Механизмы речевого воздействия в этих моделях могут быть представлены как операции с концептуальным представлением идеологии [1], как отношения между входными данными и формированием намерений [39] или как особые системы, перехватывающие управление концептуальной моделью в критических случаях [43].

Герменевтическая модель позволяет рассматривать цепочку: «значение – смысл – знак» – как звенья одной цепи коммуникативной культуры в контексте коммуникативного взаимодействия. Данная модель раскрывает возможные каналы формирования коммуникативной культуры в процессе вербальной коммуникации. Если значение, по Г.Г. Шпету, – это фиксируемый словами многозначный набор, а знак – нечто условное, существующее вне контекста, но понимаемое в контексте, то постижение смысла, согласно авторской точке зрения, лежит в плоскости коммуникативной культуры, возникшей в данном речевом контексте. Следовательно, коммуникативная культура есть условие связи знака и значения, значения и смысла, и чем богаче фиксируемый словами социально

значимый набор, тем устойчивее и разнообразнее связи, тем в большей степени стабильно коммуникативное взаимодействие.

М.М. Бахтин писал: «Слово ориентировано на собеседника, ориентировано на то, кто этот собеседник: человек той же социальной группы или нет, выше- или нижестоящий (иерархический ранг собеседника), связанный или не связанный с говорящим какими-либо более тесными социальными узами (отец, брат, муж и т. п.). Абстрактного собеседника, так сказать, человека в себе, не может быть; с ним действительно у нас не было бы общего языка ни в буквальном, ни в переносном смысле» [4, 59]. Что касается культурологической модели коммуникации М.М. Бахтина, то в ней наиболее яркими являются идеи диалогичности и карнавализации. Акцентируя внимание на «чужой речи», М.М. Бахтин вводит понятие металингвистики, в которой актуализируются диалогические отношения, включающие отношение говорящего к собственным высказываниям [5].

Вышеперечисленные модели коммуникации дают возможность получить представление о теоретических основах коммуникативного взаимодействия, на которых построена коммуникативная культура. В этом случае знание предложенных коммуникативных моделей помогает созданию эффективных процессов взаимодействия. Значительное влияние на феномен коммуникативной культуры оказывает массовая коммуникация.

С приходом в современные коммуникативные процессы совершенно новых средств накопления, хранения, передачи информации, создающих качественно иную информационную среду, духовная жизнь общества стала неотделима от производства информационных систем, среди которых главную роль играют различные средства массовой коммуникации. Глобальная сеть Интернет позволила миллионам пользователей компьютеров подключиться к мировой информационной структуре. Средства массовой коммуникации включают всю систему коммуникационных средств и посредников, при помощи которых осуществляется процесс коммуникации.

Одним из первых отечественных исследователей, занимавшихся психологическими проблемами массовых информационных процессов, является Ю.А. Шерковин. Автор разделял проблемы, возникающие в ходе любой коммуникации, на две категории – физическую и психологическую. Психологические проблемы возникают в результате

взаимодействия коммуникатора с читателями, слушателями, зрителями, а физические – относятся к технологии коммуникаций, её физическим каналам [35]. Данная классификация является базисной в анализе коммуникативных процессов, неотъемлемой стороной которых является коммуникативная культура, выступающая необходимой компонентой связи индивидуально-личностного состояния духовных качеств человека и его predispositions к принятию информации извне, её оценки, сопоставления её содержания с собственным опытом и использованием её в качестве дополнительных элементов накопленных знаний, мотивов деятельности, оценочных отношений и т. д.

На основе вышеизложенного может быть сформулирована логико-семантическая модель коммуникации в обучении иностранному языку и предложен ответ на вопрос о различии между коммуникацией и общением при таком обучении. Как уже было отмечено, исходная схема «адресант – передача информации – адресат» требует дальнейших уточнений и дополнений.

Первое уточнение состоит в том, что непосредственным объектом передачи информации при обучении иностранному языку является не сама информация как таковая, а информационное сообщение, выражающее соответствующую информацию. Акцент на процессе передачи сообщений привёл к созданию известной технической модели коммуникации, берущей свои истоки ещё с работ К. Шеннона и Н. Винера [10]. Не вдаваясь глубоко в сущность технических моментов при передаче любой информации, всё же отметим, что в рамках технологического подхода коммуникативного воздействия при обучении главное внимание необходимо уделять проблемам точной передачи сообщения от отправителя к получателю. Из-за ошибок при передаче и восприятии информации сообщение, получаемое адресатом, может существенно отличаться от исходного. В этом случае адекватная передача информации может оказаться невозможной без использования обратной связи – передачи сообщения от преподавателя к студенту, в процессе которой конечное сообщение корректируется на предмет его соответствия с исходным сообщением. Технологическая модель, строго говоря, является моделью лишь одного из компонентов коммуникации – процесса передачи информационного сообщения от адресанта к адресату. За рамками технологической модели остаются

наиболее существенные интеллектуально-психологические аспекты коммуникации, относящиеся непосредственно к отправителю и получателю информации. Между тем именно эти аспекты имеют определяющее значение для всего процесса коммуникации в целом. Даже неискажённое, адекватно переданное информационное сообщение может быть неправильно понято адресатом в силу целого ряда факторов, относящихся к сфере его восприятия и мышления. Таким образом, феномен коммуникации необходимо анализировать в рамках более общей логико-семантической модели. Обозначим некоторые наиболее важные элементы этой модели.

Первый необходимый элемент коммуникации – создание информационного сообщения, то есть процесс формализации каких-либо объектов. Этап формализации не следует понимать упрощённо, как некую простую процедуру наклеивания «ярлыков» на объекты. Чем сложнее знания, подвергаемые формализации, тем сложнее и сам процесс формализации. Типичный пример сложной формализации – перевод статьи, написание научной книги. В таких случаях, даже если автор полностью знает то, о чём пишет, ему приходится тратить немало усилий на написание соответствующего текста, то есть на построение письменного информационного сообщения, которое адекватно выражало бы суть дела. В процессе построения информационных сообщений могут возникать различные ошибки формализации. Типичный пример таких ошибок – грамматические ошибки в тексте. Более сложный пример – стилистические и смысловые ошибки, которые допускает человек, пытаясь выразить своё знание на плохо знакомом ему иностранном языке.

Второй элемент коммуникации – передача информационного сообщения по техническим каналам связи, предполагающая различные виды кодирования/декодирования и шифрования/дешифрования.

Наконец, третий, важнейший, элемент коммуникации – интерпретация информационного сообщения, полученного адресатом. В процессе интерпретации сообщений могут возникать многочисленные ошибки интерпретации. К ошибкам интерпретации относятся, например, смысловые ошибки, которые допускает адресат, пытаясь перевести на родной язык полученное сообщение, составленное на плохо знакомом ему иностранном языке. Ещё один пример ошибки интерпретации – неспособность адресата адекватно

понять содержание полученного сообщения в силу сложности самого этого содержания.

Если полученное сообщение неправильно интерпретировано адресатом или вообще не поддаётся интерпретации, то тем самым не достигается главная цель коммуникации – понимание переданной информации. С другой стороны, если адресат адекватно интерпретировал сообщение, то уже одного этого достаточно для того, чтобы признать процесс коммуникации реализованным. К примеру, если некий субъект получил по почте письмо от другого субъекта, то коммуникация между данными субъектами имеет место, если первый субъект смог правильно понять содержание полученного письма, то есть смог адекватно проинтерпретировать принятое информационное сообщение. При этом несущественно, знает получатель отправителя сообщения или нет. Главное, что адресат получил переданную информацию, то есть процесс коммуникации оказался успешно реализованным. В данном случае адресат приобрёл новое знание семантически, путём интерпретации полученного сообщения. Приобретение знаний семантическим путём и есть коммуникация. Приобретение же знаний не семантически, а предикативно представляет собой уже не коммуникацию, а то, что обычно интуитивно понимается как непосредственное общение. Обобщая сказанное, сформулируем два следующих тезиса: **1) коммуникация**, то есть коммуникативное общение, есть процесс приобретения знаний путём интерпретации информационных сообщений; **2) собственное общение**, то есть предикативное общение, есть процесс приобретения знаний путём непосредственного рационального осмысления объектов сенсорного восприятия или же абстрактного понимания.

Таким образом, можно предположить, что **коммуникативное воздействие** есть результат коммуникативного процесса с помощью обмена такой информации, которая предполагает изменения знаний участников коммуникативного процесса, на которые направлена информация.

Именно **предикативное общение** человек может осуществлять «без слов», то есть приобретая знания в процессе непосредственного взаимодействия с различными объектами. В отличие от предикативного общения, коммуникативное общение обязательно предполагает использование того или иного языка, тех или иных символов, которые человек интерпретирует и тем самым приобретает соответствующее знание. Коммуникативное и

предикативное общение в сумме и образуют то, что обычно интуитивно понимается под общением вообще. Таким образом, основное различие между коммуникацией и общением заключается в том, что коммуникация – специфическая разновидность общения, которую следует отличать от предикативного общения.

Большинство приведённых высказываний было сделано для пояснения теории коммуникационного воздействия через информацию. Ключевое положение при этом занимает универсальное информационное уравнение. Первоначально оно было получено как соотношение между отражаемой, отражённой и неотражённой информацией [34]. Сумма отражённой и неотражённой информации равна отражаемой информации.

Отражённая и неотражённая информации характеризуют структуру отражаемой изменённой системы со стороны упорядоченности и хаотичности.

Универсальность этого уравнения заключается в многозначности его интерпретации, которая зависит от того, с какой стороны это уравнение рассматривается. С учётом заявленной темы в настоящее время можно предложить следующие интерпретации.

Первая состоит в том, что, согласно информационному закону отражения, информация разделяется на отражённую и неотражённую части. Информация отражается системой через совокупность своих частей.

Вторая говорит, что сумма хаоса и порядка в структуре системы всегда будет оставаться неизменной, по закону сохранения суммы хаоса и порядка. При этом не важно, что мы делаем с системой без изменения общего количества элементов, на сколько частей её разбиваем по значениям какого-либо признака и в каком соотношении по числу элементов находятся между собой части.

В соответствии с третьей интерпретацией, закон сохранения информации на межвидовом информационном уровне говорит о том, что при любых структурных преобразованиях системы суммарное количество её синергетической и вероятностной информации сохраняет свою постоянную величину.

По четвёртой – данное уравнение выражает непосредственную взаимосвязь комбинаторного, синергетического и вероятностного подходов к определению количества информации, в своей совокупности образующих единую количественную основу общей теории информации.

Дальнейшее развитие этой теории в рамках коммуникативного воздействия и внедрение её в практику научных и прикладных исследований, по нашему мнению, будет иметь значение не только для разработки методов и моделей в образовательном процессе при обучении студентов иностранному языку, но и для тех предметных областей, где выявляются межпредметные связи. В пользу этого говорит тот факт, что на синергетическую основу коммуникативной теории воздействия уже есть прецеденты её включения в образовательный процесс как на уровне престижных вузов, так и на уровне рекомендаций в качестве учебного материала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абельсон Р.П. Структуры убеждений / Р.П. Абельсон // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Благовещенск, 1998. – С. 317-380.
2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во Сабашниковых, 1996.
3. Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994. – С. 72-130.
4. Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки / М.М. Бахтин // Собр. соч.: в 7 т. – М., 1996. – Т. 5. – С. 59-160.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986.
6. Берг А.И. Кибернетика и диалектико-материалистическая философия / А.И. Берг, А.Г. Спиркин // Проблемы философии и методологии современного естествознания. – М., 1973. – С. 115-122.
7. Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки / Б.В. Бирюков. – М., 1974.
8. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М., 2000.
9. Гуревич А. Философия культуры / А. Гуревич. – М., 1994.
10. Демин А.И. Парадигма дуализма: пространство – время, энергия, информация / А.И. Демин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
11. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000.
12. Исупов К.Г. Уроки М.М. Бахтина / К.Г. Исупов // М.М. Бахтин: pro et contra: личность и творчество М.М. Бахтина в оценке рус. и мир. гуманитар. мысли. – СПб., 2001. – Т. I. – С. 7-44.
13. Колин К.К. Эволюция информатики / К.К. Колин // Информационные технологии. – 2005. – № 1. – С. 2-16.
14. Кравец А.С. Теория смысла Ж. Делеза: pro et contra / А.С. Кравец // Логос. – 2005. – № 4. – С. 227-258.
15. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции: конец XVIII - первая половина XIX века: новый хронограф / А.И. Куприянов. – М., 2007.
16. Лакан Ж. Семинары. Кн. 5. Образования бессознательного (1957/58). – Киев: Гнозис: Логос, 2002.
17. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / К. Леви-Стросс. – М.: Республика, 1994.
18. Логический словарь ДЕФОРТ. – М., 1994.
19. Лотман Ю.М. Слово и язык в культуре просвещения / Ю.М. Лотман // Избр. статьи: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 216-223.
20. Мифология и сознание современного человека: полн. стеногр. лекции Александра Пятигорского, прочитан. в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» 21 февр. 2006 г. [Электронный ресурс] // ПОЛИТ.РУ. Режим доступа: <http://www.POLIT.ru/lectures/2006/03/02/pjatigorsky.html>
21. Моррис Ч. Из книг «Основания теории знаков», «Значение и означивание» / Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983.
22. Мосс М. Общества, обмен, личность / М. Мосс. – М.: Наука, гл. ред. вост. лит., 1996.
23. Панченко О. Виктор Шкловский: текст – миф – реальность / О. Панченко. – Szczecin, 1997.
24. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 55-73.
25. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М., 1998.
26. Рыданова И.И. Основы педагогики общения / И.И. Рыданова. – Минск: Беларуская навука, 1998.
27. Семкин А.Д. Театральная теория Н.Н. Евреинова: дис. ... канд. искусствоведения / А.Д. Семкин. – СПб., 2000.
28. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996.
29. Тодоров Цв. Поэтика / Ц. Тодоров // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 37-113.
30. Уорнер Э.Э. Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика / Э.Э. Уорнер. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
31. Фёдорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Фёдорова // Вопросы языкознания. – 1991. – №6. – С. 46-50.
32. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1990.
33. Фуко М. Правительственность: (идея гос. интереса и её генезис) / М. Фуко; пер. И. Окуневой // Логос. – 2003. – № 4/5. – С. 4-22.
34. Шамбадаль П. Развитие и приложения понятия энтропии / П. Шамбадаль. – М., 1967.
35. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов / Ю.А. Шерковин. – М., 1973.
36. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания: избр. тр. по философии культуры / Г.Г. Шпет. – М.: РОССПЭН, 2007.
37. Юнг К. Об истоках сознания: (Von den Wurzeln des Bewusstseins). – Zurich: Rascher, 1954.
38. Якобсон Р. Язык и бессознательное / Р. Якобсон. – М.: Гнозис, 1996.
39. Barsalou L.W. The HIPE theory of function / L.W. Barsalou, S.A. Sloman, & S.E. Chaigneau // Representing functional features for language and space: Insights from perception, categorization and development / L. Carlson & E. van der Zee (eds.). – New

- York: Oxford University Press, [w.y.].
40. Bourdieu P. Rites of institution / P. Bourdieu // Language and Symbolic Power / trans. Peter Collier. – Cambridge: Polity Press: Harvard University Press, 1990.
41. Grice H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N.Y.: Academic Press, 1975. – V.3. – P.41-58.
42. Shannon C.E. Communication in the presence of noise / C.E. Shannon // Proc. Institute of Radio Engineers. – 1989. – Т. 37. – № 1. – P. 10-21.
43. Sloman A. Beyond Shallow Models of Emotion / A. Sloman // Cognitive Processing : International Quarterly of Cognitive Science. – 2001. – №2(1). – P. 177-198.
44. Vertigo. Круговорот образов, понятий, предметов / Vertigo. – М.: Слово, 2009.

УДК 796.0

Стафеева А.В.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема непрерывности физкультурного образования в Забайкальском крае. Анализируются понятия общего и специального физкультурного образования. Обсуждается материально-техническое, программно-методическое обеспечение и кадровый потенциал сферы общего и дополнительного образования по физической культуре в регионе. Излагаются стратегии перспективы развития непрерывности и преемственности физкультурного образования различных возрастных групп учащейся молодёжи на всех уровнях образования в крае.

Ключевые слова: непрерывное физкультурное образование; физическая культура личности; профильное образование; подготовка специалиста по физической культуре.

A. Stafeeva

State Humanitarian Pedagogical University named after N.G. Chernishevsky (Chita)

THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF CONTINUING SPORTS EDUCATION IN THE REGION OF ZABAIKALYE

Abstract. The article is devoted to the problem of continuing of the sports education in Zabaikalye region. It analyses the concepts of general and special sport education. The author discusses material, technical, programme and methodical support and the staff's potential of comprehensive and additional Education of physical culture in this region. An account of

strategic perspectives of the development of continuing and successive sport education for different age groups is given.

Key words: in continuing sports education, physical culture of a person, profile education; training of a specialist in physical culture.

На современном этапе мирового экономического и общественного развития наиболее важной глобальной проблемой следует считать непрерывность образования. Какая бы его сфера ни затрагивалась, какие бы аспекты обучения, воспитания, развития человека ни рассматривались, возникает необходимость выразить своё отношение к таким сторонам образования, как: *всеохватность*, то есть объединение общей целью и вовлечение всего населения, всех его социально-демографических групп; *преемственность*, то есть сохраняемость или изменяемость во времени и пространстве общесоциальных целей и способов их реализации; *индивидуализированность*, то есть учёт по времени, типам, направленности потребностей каждого индивидуума. Фактически предстоит ответить на вопрос: всем ли и всегда ли нужно образовываться, и кому это нужно – обществу или личности? А ещё точнее – какой формуле следовать: “образование на всю жизнь” или “образование через всю жизнь”? Без ответов на эти глобальные вопросы нельзя решить и вечных проблем, стоящих перед образованием как организованной структурой общества: для чего, чему и как обучать в новых социально-экономических условиях [3].

* © Стафеева А.В.